Зефир Левант

ПУТЬ ДУШИ

между небом и землёй



Зефир Левант

Путь Души

«Автор»
2026

Левант З.

Путь Души / З. Левант — «Автор», 2026

В бесконечной, уютной тишине Океана Света миллиарды искр парят в абсолютном покое. Там нет боли, страха и одиночества — но там невозможно узнать, кто ты есть на самом деле. Чтобы обрести себя, юная искра решается шагнуть за край вечности и спуститься в плотный мир, где время обретает плотность, а память стирается...

© Левант З., 2026
© Автор, 2026

Зефир Левант
Путь Души

Зефир Левант

Путь Души
между небом и землёй
Философская притча
✦ ✧ ✦ ✧ ✦ ✧ ✦



© Зефир Левант, 2026. Все права защищены. Данное электронное издание распространяется бесплатно. Коммерческое использование текста без письменного согласия автора запрещено.

Ты – не капля в океане.
Ты – весь океан в одной капле.
Джалал ад-Дин Руми

В самом начале не было ни «я», ни «ты», ни времени, чтобы измерить тишину. Был только Океан.

Он состоял не из воды, хотя в нём угадывалась та бездонная глубина, от которой замирает то, что позже назовётся дыханием. В этом пространстве не существовало границ: всё перетекало во всё и звучало единым, едва уловимым гулом, словно низкая нота виолончели, растянутая в бесконечности.

Миллиарды световых точек парили в этой убаюкивающей безмятежности, как золотые пылинки в полуденном луче, и им было абсолютно, невыразимо хорошо.

Но у любого идеального покоя есть один крошечный изъян: *в нём ничего не происходит.*

Всё началось с едва заметной ряби. По глади Океана пробежала тонкая вибрация – словно кто-то бросил камешек в неподвижное зеркало воды.

Крошечная точка света вдруг сжалась, отделилась от общего сияния и вздрогнула, словно капля росы, сорвавшаяся с утреннего листа. В ту же секунду возникло странное, ни на что не похожее чувство: *«Это Я. А всё остальное – не Я»*. В этот момент тишина бесконечности обрела центр, и началась моя история.

Несколько мгновений вечности я просто привыкал к самому себе – удивлённо разглядывал сияющий простор вокруг, впервые осознавая его не изнутри общего потока, а со стороны. Я ещё не знал, кто я и зачем здесь, но впервые ощущал: «Я есть».

Рядом со мной плавно вспыхнула другая Искра. Она была чуть крупнее, острее и беспокойнее меня. Она дёрнулась, попыталась отделиться от общего сияния и вдруг бросила в тишину мысль, похожую на короткую вспышку молнии:

– А что там, за краем?

Я замер. До этого мгновения я даже не подозревал, что у бесконечности есть край. Поддавшись странному, щекочущему порыву, я потянулся вслед за ней к самой границе нашей светящейся тишины и заглянул вниз.

Там, внизу, клубилась плотная, тяжёлая темнота, перерезанная редкими искрами звёзд. Среди них медленно вращался маленький голубоватый шар, закутанный в белую дымку облаков. От него поднималась странная вибрация – плотная, тревожная и в то же время пьяняще притягательная, словно низкий рокот неведомого барабана.

– Это Земля, – прошелестел рядом спокойный, глубокий голос.

Я обернулся. Рядом покачивалось другое свечение – оно переливалось сотнями оттенков, которых я ещё не знал, и от него веяло таким родным теплом, будто я знал этот свет вечность.

– Кто ты? – спросила Искра, подплывая ближе и едва не задев собеседника своим неровным краем.

– Тот, кто уже сбился со счёта, сколько раз слышал этот вопрос, – мягко прозвучала Старая Душа. – Не спеши так. Ты только что собралась в форму, а уже пытаешься разлететься на части.

– Но здесь так много всего! – Искра заметалась, указывая своим светом в разные стороны. – Вон там, смотри, ещё огни! Они тоже только что появились?

Неподалёку, в той же полосе золотистой ряби, действительно просыпались другие. Четыре мягких огонька медленно набирали яркость, робко покачиваясь в такт невидимому течению.

Беспокойная Искра уже плавала по краю Океана Света, разглядывая Землю.

– А что там? – прошелестел её вопрос. – Там так же хорошо, как и здесь?

– Там шумно, тесно и холодно, когда заходит солнце, – ответила Старая Душа. – Там всё имеет вес, край и конец. Если ты ударишься о камень, тебе станет больно. Если ты что-то возьмёшь, кому-то другому этого не достанется.

– Она станет вашей школой плотных состояний, – добавила она.

– Нашей? – переспросила беспокойная Искра, нетерпеливо пульсируя у самого края. В её вибрации слышался вызов. – Мы туда отправимся? Но зачем? Здесь же есть всё.

– Здесь есть всё, кроме возможности узнать, кто ты есть на самом деле, – ответила Старая Душа. – В свете не видно света. Чтобы понять, что такое тепло, придётся узнать холод. Чтобы научиться любить по-настоящему, придётся пройти через одиночество. Там, внизу, вы забудете, откуда пришли. Вам выдадут хрупкую оболочку, короткий отрезок времени и полную свободу ошибаться.

– Ошибаться? – фыркнула беспокойная Искра, и её сияние вспыхнуло колючим, дерзким золотом. – Посмотрим, кто там будет ошибаться. Хочу проверить, на что я способен, когда вокруг не вечная тишина, а настоящее сопротивление!

Он не стал ждать ответа. Сорвался вниз, как падающая звезда, оставив за собой тонкий серебристый след, который тут же растворился в плотной темноте космоса.

Я остался у края один. Внутри меня впервые зародилось странное, тянущее чувство. Позже, в одном из тел, я узнаю, что это было любопытство, смешанное с тревогой.

– А ты? – мягко спросила Старая Душа. – Что хочешь узнать ты?

– Я не знаю, – честно ответил я, глядя на исчезающий след той дерзкой Искры. – Сейчас во мне ничего нет.

– Вот именно, – тихо улыбнулась она. – Сейчас ты просто чистый лист. А вернёшься – историей.

Я снова посмотрел на голубой шар. В нём было что-то пугающее и прекрасное одновременно. Я собрал своё рассеянное сияние в одно чёткое, решительное намерение и шагнул за край.

Свет вокруг мгновенно сгустился, стал тяжёлым, плотным, а затем раздался оглушительный, пугающий стук. *Тук-тук. Тук-тук.* Это билось моё первое сердце.

Глава 1
Первые шаги



Часть 1. Тесная клетка

Если бы мне заранее объяснили, что такое рождение, я бы, пожалуй, ещё пару вечностей поплавал в Океане Света, набираясь храбрости.

В одно мгновение я был везде – лёгкий, прозрачный, не знающий границ. А в следующее – меня словно схватили гигантской ледяной рукой, сжали в крошечный комок и запихнули в тесный, душный кожаный мешок.

Первый вдох обжёг лёгкие так, будто я глотнул расплавленного железа. Холод впился в кожу тысячью мелких игл. Я попытался закричать, чтобы позвать Старую Душу, спросить, куда делось тепло, но из горла вырвался только хриплый, пронзительный, чужой звук – я сам испугался этого крика. Вокруг гудели грубые, гортанные голоса, пахло едким дымом костра, сырой звериной шкурой и чьим-то кислым потом. Огромные, мозолистые руки подхватили моё крошечное, дрожащее тельце и прижали к чему-то тёплому и мягкому.

Так началось моё знакомство с Землёй.

Меня назвали Каго. На языке моего племени это было даже не имя, а короткий отрывистый звук – что-то среднее между рычанием и выдохом. В те времена, когда за стенами пещеры

бродили саблезубые кошки, а зима тянулась полгода, у людей не было времени на красивые слова.

Очень скоро я полностью забыл, кто я есть на самом деле. Сознание юной души в плотном теле поначалу напоминает тусклый огонёк на сквозняке – оно постоянно гаснет, уступая место простым, животным инстинктам. *Холодно. Хочу есть. Больно. Страшно.*

Мир вокруг был огромным, враждебным и до ужаса материальным. В Океане Света, если ты хотел оказаться в другом месте, ты просто менял мысль. Здесь же каждый шаг требовал усилий. Острые камни до крови резали босые ступни. Огонь в костре манил своим золотистым танцем, но стоило протянуть к нему руку – он кусал так, что на ладони вздувались багровые волдыри. Вода в ручье сводила зубы ломотой, а северный ветер пробирал до самых костей, заставляя тело мелко и унизительно трястись.

Я злился на эту неуклюжую оболочку. Она вечно чего-то требовала, уставала, мёрзла и болела. Лишь в редкие минуты затишья, глядя из глубины пещеры в ночное небо, усыпанное холодными звёздами, я смутно ловил щемящую тоску по чему-то бесконечно светлому и лёгкому. Но стоило в темноте зашуршать кустам или завыть вдалеке волкам, как эта неясная память мгновенно стиралась, а по спине бежал липкий, парализующий холод.

В Свете нечего бояться, потому что там невозможно исчезнуть. Здесь же смерть ходила за каждым из нас по пятам.

Я видел, как Зург ушёл на охоту в туманное утро, а через два дня его принесли на волокуше – бледного, с разорванным боком и остекленевшими глазами. Я видел, как старики тихо засыпали у погасшего костра и больше не открывали глаз, превращаясь в неподвижные, холодные куклы, которые мужчины потом заваливали камнями в дальнем овраге.

И всякий раз, глядя на это, внутри меня что-то сжималось в тугой узелок, беззвучно шепча: *«Не хочу! Я только пришёл, я ещё ничего не понял!»*

Но однажды, когда мне исполнилось десять зим, этот страх подкрался ко мне звериной поступью.

Я отошёл слишком далеко от пещеры, собирая сухой валежник, и не заметил, как из-за валуна вышла рысь. Услышав за спиной тяжёлый, утробный рык, я обернулся – и увидел перед собой огромного, тёмного зверя, припавшего к земле.

Удар был тяжёлым и обжигающе горячим, а следом навалилась ледяная, густая темнота. Дыхание оборвалось, но сознание не погасло – оно в ужасе заметалось в тесной, обмякшей клетке плоти. Крошечная, неопытная душа вцепилась в обломки этого тела, не понимая, что игра уже окончена. Я отчаянно пытался вдохнуть, сжать пальцы, удержать ускользающее тепло, но холод оказался сильнее. Прошло несколько тягучих мгновений, прежде чем судорожная хватка разжалась, и невидимый поток вырвал меня из заснеженного леса обратно в бескрайнюю тишину Океана Света.

✦ – ✧ – ✦

– И это всё?! – прозвенела моя растерянная мысль, не веря, что всё случилось так нелепо. – Я даже ничего не успел понять!

Рядом мягко колыхнулось золотистое сияние Старой Души, и в её вибрации прозвучала тихая, тёплая усмешка:

– Плотное тело хрупко, малыш. В Свете невозможно исчезнуть, поэтому здесь ты не знаешь осторожности. Но чтобы научиться удерживаться в материи, нужно оглядываться по сторонам.

Во мне вскипел странный, незнакомый азарт – словно меня прервали на самом интересном месте. Не раздумывая долго, я снова нырнул вниз.

✦ – ✧ – ✦

Следующие несколько жизней слились в пёстрый калейдоскоп нелепых попыток. В одной я был мальчишкой из кочевого племени и не пережил первую же лютую зиму, когда метель накрыла стоянку. В другой – оступился на скользких камнях у горной реки и не сумел выплыть против ледяного течения. В третьей – сгорел от знойной лихорадки, едва дотянув до двенадцати вёсен.

Я возвращался в Океан Света снова и снова – растерянный и злой на собственную неуклюжесть, но с каждым разом чуть более чуткий к опасностям плотного мира. Я начал понимать, что на Земле нужно быть внимательным, что огонь греет, но кусается, а темнота за кругом костра полна тех, кто сильнее и быстрее тебя.

И в одной из жизней мне удалось зацепиться за Землю по-настоящему.

В той жизни меня звали Ургом. Здесь я уже не убегал в слепой панике от каждого шороха и не лез на рожон без оглядки. Моё тело вытянулось, окрепло, ладони огрубели от кремня и дерева, а внутри, в самом низу живота, поселился тихий, упрямый уголёк. Он больше не кричал от ужаса, а ровно и упрямо шептал: «Выжить!»

Часть 2. Чёрное ущелье

К шестнадцати зимам я не стал ни самым сильным, ни самым ловким в племени. Я был обычным – худым, жилистым, с вечно обветренными губами. Пока другие хвастались у костра, кто дальше метнёт копьё, я чаще всего сидел у самого края, поджав замёрзшие пальцы ног, и слушал, как за стенами пещеры воет ветер.

Вожаком племени был Кром – одноглазый, кряжистый старик с руками, похожими на узловатые корни дуба. Он не кричал и не бил молодых, но одного его полувзгляда хватало, чтобы самый буйный охотник опускал глаза.

Та зима пришла рано и оказалась злее всех предыдущих. Снег завалил тропы, реки сковало сизым льдом, а дичь ушла далеко на юг. К середине луны в пещере закончилось последнее вяленое мясо. Дети перестали смеяться, а старики всё чаще сидели, закрыв глаза и экономя силы.

На закате Кром собрал шестерых мужчин, включая меня, у едва тлеющего очага. Его единственный глаз блестел в полумраке лихорадочным огнём.

– Вверх по Чёрному ущелью есть расщелина, – хрипло сказал вожак, чертя палкой на золе. – Там залёг пещерный медведь. Если мы возьмём его, племя доживёт до весны.

В пещере повисла тяжёлая тишина. Пещерный медведь – это не олень. Это гора когтей, ярости и мощи, перед которой даже стая волков поджимает хвосты.

Мы вышли на рассвете. Мороз обжигал лицо, и каждый выдох превращался в густое белое облако. Снег хрустел под ногами так громко, что казалось, нас слышно на другом конце мира.

Когда мы добрались до ущелья, солнце уже поднялось над хребтами, окрасив ледяные стены в слепящий розовый цвет. И тут природа сыграла с нами злую шутку. Сверху послышался глухой, утробный треск – тяжёлый снежный карниз не выдержал и рухнул вниз, подняв плотную белую стену.

Меня сбило с ног и протащило по снегу. Когда снежная пыль осела, я выбрался из сугроба, отряхнулся и похолодел. Узкий проход позади меня был завален глыбами слежавшегося снега и льда. Кром и остальные остались по ту сторону. Я оказался в ледяной ловушке совершенно один.

А в десяти шагах передо мной зашевелилась тень.

Из тёмного зева расщелины, разбуженный грохотом обвала, медленно выходил хозяин ущелья. Он был чудовищно огромен. Бурая, свалявшаяся шерсть дыбилась на загривке, а из пасти вырывались клубы горячего пара. Зверь поднялся на задние лапы, закрыв собой половину неба, и издал рёв, от которого задрожал лёд под ногами.

Всё внутри меня мгновенно оледенело. Тот самый липкий, парализующий ужас, который преследовал меня с первого дня на Земле, снова схватил за горло. Мысль билась в голове, как пойманная птица: *«Беги. Лезь на скалы. Спасайся».*

Но лезть было некуда – отвесные стены блестели гладким льдом. Бежать – означало подставить спину.

Медведь опустился на четыре лапы и тяжело пошёл на меня, вбивая когти в наст.

В эту секунду время словно растянулось. Я посмотрел на свои дрожащие руки, сжимающие древко копья, словно вспомнил, зачем я вообще спустился на эту холодную планету. Я не был просто человеком, который должен умереть в снегу. Внутри меня горела Искра. Пусть юная, пусть испуганная, но живая.

Я перестал дрожать. Выдохнув весь страх вместе с морозным воздухом, я почувствовал, как в самом низу живота, в самой глубине тела, вспыхнуло жаркое, живое пламя. Ноги словно вросли в замёрзшую землю, став продолжением скалы. Всё моё тело вибрировало: *выжить, выжить любой ценой!*

Когда зверь начал атаковать, я не отступил. Я упёр тупой конец копья в узкую расщелину скалы и направил остриё прямо в грудь чудовища.

Тяжёлая туша зверя сама насадилась на кремнёвый наконечник, ушедший глубоко под рёбра. Удар был такой силы, что древко не выдержало – с сухим треском оно переломилось пополам, а когтистая лапа медведя полоснула меня по плечу и боку, легко разорвав волчью шкуру и живую плоть. Боль обожгла так, что в глазах потемнело. От страшного толчка мы оба повалились в снег, сплетаясь в единый рычащий клубок.

Я чувствовал его горячее, зловонное дыхание у самого лица, чувствовал, как тёплая кровь заливает мой бок, но не разжимал рук, всем весом наваливаясь на обломок древка, загоняя наконечник глубже.

Через несколько бесконечных ударов сердца туша подо мной тяжело обмякла. Медведь судорожно вздохнул последний раз и затих.

Я лежал на окровавленном снегу, глядя в ярко-синее, равнодушное небо. Тело горело огнём, сил не осталось даже на то, чтобы пошевелить пальцем. Сквозь шум в ушах я услышал, как по ту сторону завала соплеменники яростно раскидывают снежные глыбы, выкрикивая моё имя.

Они успели. Они вытащили меня и донесли до пещеры.

В тот день я победил не просто пещерного медведя. В этом ледяном ущелье я впервые посмотрел в глаза собственной смерти и не отвёл взгляда. Страх никуда не исчез – он просто перестал быть моим хозяином.

Часть 3. Рубиновое сияние

Раны, оставленные медведем, заживали долго. Всю оставшуюся зиму я пролежал на шкурах у самого очага, то проваливаясь в липкий, горячечный бред, то выныривая в полумрак пещеры, где пахло дымом и горькими травами, которые знахарь прикладывал к моим ранам.

Наше племя выжило. Мяса хватило до самой весны, а когда сошёл снег, я снова вышел на солнце. Правда, прежним я уже не стал. Левое плечо навсегда осталось чуть ниже правого, ногу при быстрой ходьбе тянуло, а через весь бок пролегли три грубых, багровых рубца.

После той схватки в ущелье отношение соплеменников ко мне изменилось. Для них я навсегда остался тем, кто не отступил, когда рухнула скала.

Я прожил всего двадцать четыре зимы. Мой уход пришёл тихо, одной осенней ночью. Старые раны и суровые холода взяли своё. Я лежал на тёплых медвежьих шкурах, глядя, как пляшут языки пламени на стенах пещеры. Тело стало невероятно тяжёлым, холодным и непослушным, словно старая, промокшая одежда, которую давно пора снять.

Не было ни страха, ни сожаления: я просто закрыл глаза под мерное потрескивание углей и позволил телу раствориться в наступающем холоде.

Тяжесть исчезла мгновенно. Я словно выскользнул из тесного, душного кокона и завис под самым сводом пещеры. Внизу, у догорающего костра, лежало неподвижное, покрытое шрамами тело Урга, вокруг которого тихо сидели люди моего племени. Мне стало немного грустно прощаться с этой суровой оболочкой – она честно служила мне и многому научила.

А затем сверху хлынул знакомый, зовущий поток. Меня подхватило тёплым вихрем и стремительно понесло вверх – прочь от ледяных гор, сквозь облака, в бесконечную, родную тишину Океана Света.

✦ – ✧ – ✦

Я вернулся домой.

Океан принял меня в свои объятия, смывая боль, жар и память о голоде. Но когда первое блаженство улеглось, я с удивлением вгляделся в собственное сияние.

Я больше не был прозрачной, бесформенной пылинкой. В самой глубине моего белого света теперь пульсировало новое, плотное рубиновое свечение – ещё совсем небольшое, но удивительно живое, с тёплым алым переливом в самой сердцевине.

Золотистый поток рядом отозвался тихим звоном.

– С возвращением, – прошелестела Старая Душа. В её голосе слышалась тёплая улыбка. – Ну как тебе плотный мир?

Я помолчал, переваривая пережитое. Там было холодно. Там было страшно, больно и несправедливо. Я так и не стал самым сильным, а эта единственная победа в ущелье стоила мне здоровья. По всем правилам мне должно было расхотеться возвращаться туда навсегда.

Но, глядя вниз, на маленький голубой шар, вращающийся в темноте, я вдруг почувствовал странную, щемящую тягу. Вспомнил вкус горячего мяса у костра после голодной зимы. Вспомнил тяжёлую, одобряющую ладонь старого Крома на своём плече. Вспомнил ту дикую, обжигающую радость, когда после ледяного ущелья я снова увидел солнце.

В Океане Света было идеально. Но там, внизу, каждый вдох чего-то стоил.

– Там ужасно тяжело, – честно сказал я Старой Душе. – И я почти ничему не успел научиться.

– Даже самому могучему дубу нужно время, чтобы прорасти из жёлудя, малыш, – тихо ответила она. – Ты только зажёг первый уголёк, но чтобы он стал настоящим костром, тебе придётся спуститься туда ещё сотни раз. Впереди тебя ждёт удивительное путешествие.

– Я хочу вернуться, – сказал я без колебаний, чувствуя, как крошечное рубиновое сияние внутри меня пульсирует в такт этому желанию.

Глава 2

Зерно в ладонях



Часть 1. Привычка пустых рук

После жизни Урга мне казалось, что самый трудный экзамен позади. Внутри жила спокойная, упрямая уверенность того, кто однажды выстоял перед лицом смерти и не отступил ни на шаг. Она грела и радовала своей надёжностью. Я чувствовал себя почти ветераном Земли.

Но стоило мне заглянуть вниз, как я увидел, насколько тесным и убогим был мой прежний земной мир. Не все люди внизу прятались в пещерах. Некоторые возводили дома из камня и глины, распахивали широкие долины, пасли стада и передавали детям нажитое добро.

– Выжить – это только первый вдох, малыш, – мягко прозвучала Старая Душа, качнувшись рядом своим тёплым золотистым светом. – Зверь в лесу тоже умеет выживать. Но человек приходит на Землю не для того, чтобы каждый день дрожать в пещере. Тебе предстоит научиться создавать опору вокруг себя – строить жильё, сохранять дары Земли и распоряжаться ими.

Я кивнул и снова нырнул в плотный мир.

✦ – ✧ – ✦

Первые десятки попыток больше походили на бег белки в колесе. Я рождался там, где каждый день приходилось начинать с пустыми руками.

Вот я – худой, вечно голодный собиратель на краю выжженной солнцем саванны, часами роющий сухой палкой потрескавшуюся землю в поисках съедобных кореньев. Вот я – северный рыбак с обветренными, потрескавшимися от соли руками, чья жизнь зависит от того, не порвётся ли сеть в осенний шторм. Вот я – молчаливая женщина в горном селении, которая всю осень сушит травы и прядёт шерсть, считая каждую горсть муки до весны.

Во всех этих жизнях я научился главному правилу нищеты: «Хватай, прячь, держи зубами. Если отдашь кусок сегодня – завтра ляжешь в землю».

Эта привычка вросла в мою суть глубже костей. Она спасала мне жизнь десятки раз – и именно она стала главной ловушкой, когда мои земные шаги привели меня в край настоящего изобилия.

В той жизни меня звали Амон, и моим миром была узкая полоса зелёной земли между безжизненной жёлтой пустыней и широкой, ленивой рекой.

Мне не нужно было убегать от хищников или гоняться за дичью. Весной река разливалась, оставляя после себя плодородный ил. Я шёл за деревянным плугом, бросал в мягкие борозды золотистые зёрна ячменя и с тихим восторгом смотрел, как из крошечного семечка поднимаются густые колосья. Я открыл магию времени и труда: если вложить силы сегодня, земля отблагодарит тебя завтра.

К тридцати годам у меня были крепкий глинобитный дом, жена, двое сыновей и просторный каменный амбар, с мешками отборного зерна и кувшинами с маслом.

Казалось бы, вот он – покой, которого я так искал. Но вместо радости в мою душу заполз тихий, холодный червь тревоги.

Когда у тебя ничего нет, тебе нечего бояться потерять. Но как только твои закрома наполняются, каждый прохожий начинает казаться вором, а каждое облако на небе – предвестником засухи или града.

Часть 2. Ловушка полного амбара

На следующий год река разлилась слабее обычного. Солнце жгло беспощадно, земля трескалась, и к осени урожай у большинства соседей сгорел почти наполовину. Мой же участок, лежавший ближе к старому оросительному каналу, снова дал хороший урожай.

В один из прохладных осенних вечеров к моему двору пришёл сосед – старый, сгорбленный Хабиб, в чьей семье было четверо внуков и больная дочь. Он остановился у калитки, теребя в руках потёртую шапку, и глухо попросил в долг два мешка зерна до следующего разлива.

Я посмотрел на свой каменный амбар. Зерна там хватило бы моей семье на две зимы с лихвой. Но внутри меня мгновенно поднялся древний, ледяной ужас собирателя из саванны и северного рыбака, шептавший: *«А если в следующем году река вообще высохнет? А если налетит саранча? Это моё! Я сам гнул спину под палящим солнцем, стирал свои руки в кровь. Почему я должен отдавать свой труд?».*

– У самого едва хватит дотянуть до весны, Хабиб, – соврал я, отводя глаза. – Иди к старосте.

Старик не ушёл сразу. Он ещё несколько секунд смотрел на меня тяжёлым, выцветшим от голода взглядом, от которого у меня зачесались лопатки.

– Я ведь помню, Амон, как три года назад твой младший лихорадил, а моя жена носила вам козье молоко, – тихо сказал он, не повышая голоса и даже не упрекая. – Ну что ж... видать, у каждого своя мерка.

Он медленно развернулся и побрёл прочь по пыльной дороге, шаркая стоптанными сандалиями. Я стоял у калитки, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони, и хотел окликнуть его – но ледяной зверь внутри вцепился в горло мёртвой хваткой и не дал вымолвить ни звука.

Ту зиму моя семья провела в тепле и сытости. Но покой исчез из дома навсегда. Я перестал спать по ночам – каждый шорох во дворе заставлял меня вскакивать с постели и хвататься за дубину. Я навесил на дверь амбара тяжёлый бронзовый засов, по утрам пересчитывал мешки, а когда выходил в деревню, ловил на себе тяжёлые, молчаливые взгляды соседей, которые всё знали о моих запасах. Вместо опоры мой амбар превратился в каменную тюрьму, приковавшую меня к собственному порогу.

А весной, когда задули сырые ветра, случилось то, чего я так боялся, но совсем с другой стороны.

Открыв утром тяжёлую дверь амбара, я почувствовал резкий, затхлый запах. Через незамеченную трещину в крыше внутрь просочилась вода. Нижние мешки отсырели, слежались и покрылись чёрной, вонючей плесенью, а в тепле завелись долгоносики. Почти половина моего драгоценного запаса, который я так ревностно охранял от людей, превратилась в гнилую труху.

Я сидел на пороге амбара, глядя на испорченный ячмень, и чувствовал странную, горькую пустоту. Зерно могло спасти от голода семью Хабиба. Оно могло стать жизнью. Но я запер его в темноте своего страха – и оно умерло.

Весна принесла новую беду. Старый оросительный канал, питавший всю нашу окраину, за зиму обвалился и заилился. Вода едва сочилась по руслу. Чтобы расчистить его до начала жары, нужны были десятки рабочих рук – но обессилевшие за голодную зиму соседи едва волочили ноги, а со мной никто даже не здоровался.

Я стоял на краю пересыхающего поля и понимал: если канал не очистить за десять дней, в этом году погибнет и мой урожай. Впервые за всю жизнь мой старый, привычный способ – копить, прятать и надеяться только на себя – зашёл в глухой тупик.

Чтобы выжить, мне нужно было сделать то, от чего всё внутри сжималось в ледяной комок.

Часть 3. Живая вода

В то же утро я погрузил на тележку весь свой уцелевший запас ячменя, оставив в закромах лишь долю на посев и хлеб до нового урожая, и повёз на деревенскую площадь.

Каждое движение давалось мне так, словно я отрывал от себя куски живой плоти. Внутри всё кричало: *«Безумец! Ты отдаёшь весь свой запас! Если люди заберут зерно и не выйдут работать – ты сам умрёшь с голоду!»*.

Но я переступил через этот страх. Я остановил тележку посреди площади, развязал мешки и громко позвал людей.

Первым подошёл Хабиб – осунувшийся, с запавшими глазами. Он недоверчиво смотрел то на зерно, то на меня.

– Берите, – сказал я хрипло, чувствуя, как дрожат пальцы. – Здесь хватит и на хлеб, и на посев. Мне одному не прочистить канал. Если выйдем все вместе – спасём поля. Если нет – пропаду и я, и вы.

В толпе повисла тяжёлая тишина. Люди переглядывались, не веря, что скупой Амон открыл свои закрома. Но голод и надежда оказались сильнее обиды. Сначала шаг вперёд сделал Хабиб, за ним – двое молодых парней с соседних участков, а через час у заиленного канала уже собралась вся окраина.

Поначалу люди работали молча, отводя взгляды. Никто не спешил благодарить меня или хлопать по плечу – слишком свежа была зимняя обида. Старый Хабиб брал лепёшки из моих рук с сухим, сдержанным кивком, а молодые парни перешёптывались за спиной, гадая, какую выгоду я захочу стрясти с них осенью. Но я не ждал тёплых слов и не оправдывался. Я просто стоял с ними в одной холодной грязи, таскал самые тяжёлые корзины с вязким илом и первым отдавал им лучший кусок у вечернего костра. Лёд таял медленно, день за днём – и только когда на девятые сутки вода с плеском прорвалась в сухие борозды, Хабиб впервые посмотрел мне прямо в глаза и молча протянул шершавую, измазанную илом ладонь.

С того дня во мне что-то окончательно переломилось. Я не стал самым богатым человеком в долине – урожаи бывали разными, случались и засухи, и наводнения, но я больше никогда не прятал излишки в тёмных углах. Всё, что было сверх нужного моей семье, я пускал в дело: давал в долг молодым семьям, менял на шерсть и посуду, вкладывал в строительство общих каналов.

И случилось необычное: чем меньше я трясся над своим добром, тем спокойнее становилась моя жизнь. Когда через десять лет меня свалила тяжёлая осенняя лихорадка, именно внуки Хабиба бесплатно убрали и обмолотили весь мой урожай до последнего колоска.

Я ушёл из тела Амона глубоким стариком, тёплой звёздной ночью, под мирный плеск воды в оросительном канале за окном.

✦ – ✧ – ✦

Возвращение в Океан Света было похоже на возвращение домой после долгого, плодотворного дня.

Когда сияние вокруг улеглось, я с удивлением посмотрел на своё свечение. Рубиновый свет в центре моей души стал шире и плотнее – теперь рядом с первым алым огоньком в нём мягко заиграл второй оттенок, глубокий и тёплый гранатовый перелив.

Рядом мягко качнулась Старая Душа.

– Было страшно разжимать кулаки? – с тёплой улыбкой прошелестела она.

– Ужасно, – честно признался я. – Казалось, если отдам последнее, то сразу исчезну. А вышло наоборот: пока зерно лежало под засовом, оно гнило, а стоило высыпать его на площадь – оно вернулось живой водой.

– Хорошо, – в голосе Старой Души мелькнула лукавая нотка. – Значит, делиться хлебом ты уже умеешь. Но пока ты делился только с теми, кого видел перед собой. А что ты знал о тех, кто расчищал ту землю до твоего рождения?

Глава 3

Голос корней



Часть 1. Одинокий лист на ветру

Шёл третий год одиночества на скалистом острове. Я поймал себя на том, что уже давно разговариваю с чайками.

Шторм выбросил мой корабль на эти камни, но у меня были нож, огниво и весь накопленный опыт прошлых жизней. Я выжил: научился бить рыбу острогой, собирать дождевую воду и разводить огонь из выброшенных морем щепок. Я больше не боялся ни холода, ни пустых рук. Но без человеческого голоса, без тех, кто помнит твоё имя и кому можно передать свой опыт, само выживание превратилось в сухую, тоскливую вечность.

А в другой жизни я был бродягой без рода и племени в шумном торговом городе. У меня водились монеты, и я ни от кого не зависел, но каждый вечер, глядя на тёплые окна домов, где за общим столом собирались большие семьи, я чувствовал сосущий холод в груди. Быть «самим по себе» оказалось не свободой, а сиротством.

✦ – ✧ – ✦

Вернувшись в Океан Света, я растерянно пожаловался на эту пустоту Старой Душе.

– Ты научился стоять на ногах, малыш, – мягко отозвалась она, вглядываясь в зелёные массивы лесов внизу. – Но пока ты стоишь как одинокое дерево посреди пустого поля. Первый же сильный ветер вырвет тебя, потому что твои корни уходят в землю всего на локоть.

– А разве тело не временный дом? – возразил я. – Пожил в одном, стало трудно – ушёл в другое.

– Ты не падаешь с неба на Землю уже готовым. Ты входишь в мир через чью-то кровь, чью-то боль, любовь и память. Ты – звено длинной цепи. Почему самый сильный ветер не может вырвать старый дуб из земли? Потому что его корни уходят в глубину и сплетаются с корнями всего леса. Пока ты думаешь, что твоя жизнь началась с твоего первого крика и закончится с последним вздохом, ты остаёшься сухим листиком на ветру.

– А у дерева и зверя тоже есть душа? – с любопытством спросил я. – В жизни охотника я видел в глазах зверей живой огонь, а в шелесте деревьев слышал странный, успокаивающий зов.

Старая Душа мягко качнулась, и её свет стал тёплым, как летний мох под солнцем.

– Весь плотный мир пронизан дыханием Единого Источника, – тихо ответила она. – У камня – свой долгий, неподвижный сон; у дерева – тихая радость тянуться к солнцу и держать землю корнями; у зверя – чистое чувство жизни. Они не ниже и не хуже человека – это младшие ветви того же древа жизни. И когда ты научишься слышать их безмолвный язык и чувствовать их поддержку – ты обретёшь настоящую связь с Землёй.

Я задумчиво вгляделся в зелёные массивы лесов внизу, прикидывая, каково это – быть дубом или волком.

– Значит, в следующей жизни мне придётся обнимать деревья и разговаривать с сороками? – с лёгкой усмешкой спросил я.

– Если будешь слишком много болтать, деревья тебя просто не услышат, – тихо фыркнула Старая Душа, и её золотистое сияние весело подмигнуло мне.

✦ – ✧ – ✦

Чтобы исцелить это сиротство, я выбрал край, где человек не отделяет себя ни от предков, ни от живой земли под ногами.

Так я оказался в краю дремучих хвойных лесов, туманных рек и древних дубрав, где каждое дерево помнило имена наших прадедов.

В той жизни меня звали Верес. Моя община жила на высоком лесистом берегу большой реки, в краю, где утро пахло туманом, смолой и прелой хвоей, а ветер в кронах вековых сосен звучал как долгая, тягучая песня.

Моим главным наставником стал дед Яр – седой, кряжистый старик с длинной бородой и глазами цвета прозрачного лесного ручья. Он знал, какие травы сбивают жар, где прячутся подземные ключи и как, идя по глухой чаще, не сбиться с тропы.

Когда мне исполнилось двенадцать, дед Яр впервые повёл меня на дальнюю поляну, где рос огромный, в пять обхватов старый дуб. Его корни, толстые, как спины спящих зверей, уходили глубоко в землю, переплетаясь с валунами.

– Прижми ладони к коре и закрой глаза, – негромко сказал дед. – И уйми свою голову, она у тебя слишком шумная.

Я прижал ладони к шершавой, тёплой от солнца коре. Поначалу я ничего не чувствовал – только слышал, как в кустах трещит сорока да в животе урчит после долгой дороги. Но дед терпеливо ждал, стоя рядом.

Я выдохнул, отпустил мысли и просто замер. И вдруг под ладонями возникла едва уловимая, глубокая вибрация. Это не был стук сердца, к которому я привык. Это был медленный, могучий пульс самой земли – соки, поднимающиеся из её глубин к верхушке кроны.

А следом за этим пульсом внутри меня проснулось странное, щемящее чувство. Я больше не ощущал себя тонким, случайным ручейком, который легко может пересохнуть. Впервые я почувствовал под собой бездонную глубину древнего источника – тихую, накопленную веками силу, которая питает меня и не даст иссякнуть. И в этом ощущении открылась главная истина: если открыться и впустить в себя его глубину, я смогу расширить свои берега и однажды стать полноводной рекой.

У меня перехватило дыхание, а по щекам сами собой покатились тёплые слёзы.

– Вот теперь ты дома, внук, – улыбнулся дед Яр, кладя тяжёлую ладонь мне на плечо. – Запомни это чувство. Дерево, которое помнит свои корни, не боится ни засухи, ни бури. А человек, который помнит свой Род и слышит Землю, никогда не потеряет дорогу.

Часть 2. Выбор у костра

Пять лет спустя я уже был охотником, знал каждую тропу в округе и готовился строить собственный сруб на краю селения. Но именно тогда в наш тихий лесной край пришла беда.

С юга, из выжженных степей, двинулись кочевые племена – жестокие, алчные, привыкшие забирать силой всё, что плохо лежит. Они жгли лесные деревни, угоняли скот и вырубали священные рощи, оставляя после себя только пепел.

В тот вечер совет старейшин собрался у большого костра. Нас было не больше сотни способных держать оружие мужчин против нескольких сотен степных всадников. Выйти против них в чистое поле означало верную гибель.

Молодые воины призывали устроить засаду и дать отпор врагу, старики предлагали собрать пожитки на лодки и уплыть далеко на север, в глухие болота, куда чужаки не сунутся.

Я сидел у огня, сжимая рукоять ножа, и во мне боролись две силы.

Мой старый опыт выживания шептал привычное: *«Уходи. Сбереги себя и семью. Лес большой – найдём другое место, срубим новые избы. Главное – уцелеть».* Это был самый безопасный, самый понятный путь.

Но стоило мне опустить взгляд на землю, пропитанную потом и памятью предков, как внутри поднялось глухое, горячее сопротивление. Под этими холмами лежали кости тех, кто расчищал здесь первые поляны. Если мы убежим сейчас, мы спасёмся, но оборвём ту самую невидимую нить, которая делала нас народом. Мы превратимся в сухие листья, гонимые ветром по чужим дорогам.

Я поднялся со своего места. У костра разом смолкли голоса.

– Мы не уйдём, – сказал я громко, чувствуя, как мой голос звучит на удивление твёрдо и ровно. – Это наша земля. И она поможет нам, если мы не предадим её.

Мои слова у костра сначала встретили гулом сомнений.

– Если мы уйдём в болота, – продолжал я, чувствуя, как сердце колотится о рёбра, – мы станем сиротами без рода и племени. Степь – их земля, но лес – наш. Они не знают наших троп, наших топей и наших туманов. Здесь мы знаем каждый куст и каждый овраг – и в час битвы сама чаща укроет нас, как родных детей, а для врага обернётся глухой стеной.

Дед Яр медленно поднял голову и посмотрел на меня так, словно увидел в моих глазах всех наших прадедов сразу. Старик молча кивнул – и мужчины племени потянулись к оружию.

Часть 3. Когда лес становится щитом

В ту ночь никто не спал. Женщины, дети и старики ушли вдоль реки в дальние, потаённые овраги, уводя с собой скот. А мужчины под руководством деда Яра вышли в чащу.

Мы не рубили живые деревья без нужды – мы брали старый, поваленный буреломом валежник и заваливали им все широкие просеки, оставив лишь одну узкую, петляющую тропу. Она вела прямиком к Чёрной топи – гиблому болоту, прикрытому сверху обманчиво ярким, плотным изумрудным мхом.

Степняки пришли на рассвете третьего дня.

Утро выдалось именно таким, о каком шептал у старого дуба дед Яр: над рекой поднялся густой, белый, как молоко, туман. Он окутал сосны так плотно, что нельзя было разглядеть идущего в трёх шагах.

Вражеская конница ворвалась в опустевшее селение с победными криками, но нашла лишь остывшие очаги. Увидев единственную натоптанную тропу, уходящую вглубь леса, их вожак, уверенный в лёгкой добыче, погнал войско следом.

В тумане и чаще их главная сила – скорость и строй – мгновенно превратилась в беспомощность. Лошади путались в корнях, всадники теряли друг друга из виду, а густой ельник глушил их крики, превращая грозное войско в слепое, напуганное стадо.

Мы не вступали с ними в открытую сечу. Мы двигались бесшумно, как тени среди знакомых стволов, направляя их короткими вылазками и свистом стрел всё дальше по ложной тропе. В какой-то момент мне показалось, что сами деревья сдвигаются за их спинами, отрезая путь назад, а корни нарочно цепляются за копыта чужих коней.

К полудню передовой отряд степняков вылетел на широкую поляну, покрытую ярким зелёным мхом, и с разгона рухнул в Чёрную топь. Задние ряды в панике повернули назад, бросая тяжёлые щиты и крича от суеверного ужаса перед лесом, который победил их, даже не показав своего лица. К концу дня на нашей земле не осталось ни одного чужака.

Вечером мы снова зажгли большой костёр на берегу реки. Никто не хвалился подвигами. Мы просто сидели плечом к плечу, слушали тихий плеск воды и шум сосен, чувствуя невероятное, глубокое единение с этим местом.

Я прожил в том лесном краю долгую, светлую жизнь – срубил дом на высоком берегу, вырастил сыновей, научил их слушать пульс старого дуба и лечить раны лесными травами. Когда моё время вышло, я закрыл глаза под мерный шум родных сосен без страха и сожаления.

В тот миг, когда моё дыхание затихло, я заметил удивительную разницу между этим уходом и моей первой, оборванной жизнью от клыков рыси. Тогда, в панике, я отчаянно пытался зацепиться за обломки тела, не понимая, что произошло, и долго не решался отпустить холод и боль. Теперь же, когда мои корни ушли глубоко в родную землю, а рядом поднялась крепкая молодая поросль, я выскользнул из старой оболочки так легко, как скидывают на пороге дома промокший после долгой дороги плащ.

Я понял, что смерть пугает только тогда, когда ты прожил жизнь как скупой сухостой, так и не пустивший корней и не давший ни единого плода. Когда же ты отдал земле и людям все свои соки, укрыл собой тех, кто рос рядом, уход превращается просто в тихое закрытие двери.

✦ – ✧ – ✦

Возвращение в Океан Света в этот раз было особенно тёплым. За мной от самой Земли словно тянулся тихий, золотисто-зелёный шлейф благодарности целого рода.

В самой сердцевине моего свечения рубиновый свет стал ещё глубже – теперь в нём мягко переливался третий, удивительно густой и бархатно-винный оттенок.

Старая Душа подплыла ближе, мягко качнувшись своим золотистым сиянием.

– Теперь ты знаешь, что такое корни, – с тихой улыбкой прозвучала она. – Когда человек перестаёт думать только о себе и встаёт за тех, кто был до него и придёт после, он перестаёт быть одинокой пылинкой.

– Но это всё равно держится на том, что окружает тебя снаружи, – задумчиво ответил я, глядя вниз, на вращающийся голубой шар. – А что останется, если забрать и лес, и род, и полный амбар?

– Это будет твоим следующим уроком, – ответила Старая Душа. – Ты узнаешь, что такое несокрушимая Внутренняя Опора.

Глава 4
Камень, который держит свод



Часть 1. Чужие ниточки

Ещё после жизни земледельца Амона Старая Душа впервые привела меня в одну из Светлых Мастерских Океана – тихое, безграничное пространство, где прожитые судьбы переставали быть чередой разрозненных событий и разворачивались в единые светящиеся полотна. Там время не текло из прошлого в будущее: вся жизнь была видна целиком, как сплетение прозрачных нитей, в котором каждый выбор тут же отзывался изменением узора.

Разглядывая вместе со Старой Душой рисунок своей жизни у реки, я с изумлением увидел, насколько иначе выглядит в вечности то, что внизу казалось правильным и разумным. На

Земле мне казалось, что я спасаю семью, когда вешаю тяжёлый засов на дверь амбара, – но в свете Мастерской этот страх выглядел как тугой, тёмный узел – словно я сам пережимал русло, по которому ко мне стремилась жизнь. И напротив: шаг на площадь с мешками зерна, который внизу казался безумным риском и потерей, здесь сиял как ровный, широкий мост света.

И теперь, вернувшись после лесного края, я смотрел на свой выровнявшийся узор с тихой гордостью, полагая, что наконец-то научился стоять на ногах.

Но у моей устойчивости был один скрытый изъян: она держалась на одобрении окружающих.

Неподалёку в Океане Света сверкнула знакомая, острая золотая Искра – та самая, что первой прыгнула вниз в самом начале нашего пути. Она пронеслась мимо, оставив за собой ослепительный, колючий шлейф.

– Встретимся внизу, тихоня! – прозвенела её мысль, полная насмешливого вызова. – Посмотрим, сколько продержится твоя твёрдость, когда мир обрушится на тебя всей тяжестью!

✦ – ✧ – ✦

Следующие несколько воплощений показали мне, насколько я уязвим перед чужой волей.

В одной из жизней я был ремесленником в шумном городе. Я отлично знал, как закалять клинки, но когда богатый заказчик потребовал сделать меч вдвое тоньше и легче, пригрозив уйти к другому мастеру – я испугался потерять заработок и признание. В первом же бою клинок переломился, едва не погубив человека.

В другой жизни я служил писарем при наместнике. Начальник приказал мне подправить цифры в налоговых свитках, ласково похлопав по плечу и назвав «самым преданным человеком». Желая заслужить похвалу, я согласился – а когда вскрылась недостача, меня же первого бросили в долговую яму.

Я возвращался в Океан Света с тихим огорчением. Я понимал, что слишком легко уступаю, не умею оставаться верным своим убеждениям и каждый раз прогибаюсь под чужое давление или лесть.

Чтобы выковать этот внутренний щит, я воплотился в эпоху больших каменных городов и строгих законов.

В той жизни меня звали Тарк, и я вырос среди каменной пыли, звона зубил и чертежей на грубых пергаментах. Мой учитель, старый зодчий Мейрон, был человеком сухим, немногословным и непреклонным. Когда городской совет требовал построить башню на болотистом берегу, Мейрон просто свернул чертежи и сказал: *«Камень не слушает приказов. Ищите другого глупца».* Я тогда поражался его упрямству – мне казалось, что с сильными людьми нужно уметь договариваться и уступать.

Когда старый Мейрон тяжело заболел и передал мне руководство постройками, я решил, что буду сговорчивее и умнее учителя.

К тридцати пяти годам я уже возводил лучшие каменные мосты в провинции. Мне нравилось быть нужным и незаменимым. Я гордился тем, что никогда не спорил с заказчиками, умел угодить наместнику и получал щедрые награды. Но на деле я просто боялся чужого гнева и потери положения.

Однажды в наш город прибыл новый императорский казначей – молодой, стремительный аристократ с холодными, янтарно-золотыми глазами по имени Кай. Едва наши взгляды встретились, внутри меня будто всё сжалось от колючего холода – настолько тяжёлой и неприступной была сила, стоявшая за этим взглядом.

Кай привёз большой заказ: построить огромный белокаменный мост через бурную горную реку ко дню рождения императора. Срок был невозможным – один год вместо положенных трёх. Казначей пообещал мне двойное золото и титул главного зодчего империи, а заметив моё колебание, холодно усмехнулся:

– Я слышал, Тарк, ты лучший мастер в этих краях. Неужели старый Мейрон воспитал труса? Если не согласишься – найду того, кто не боится великих дел, а о тебе в этом городе забудут.

Кай нажал точно на мою больную точку. Страх показаться слабым и жажда похвалы оказались сильнее здравого смысла. Самолюбие затмило голос мастера – и я согласился.

Часть 2. Цена чужой воли

Весь этот год я жил под чужим давлением, пытаясь оправдать ожидания казначея.

Самой важной частью постройки было расчистить твёрдую основу на дне ущелья, чтобы каменная опора встала намертво и выдержала любой напор воды.

Несколько дней на стройке гостил Кай, приехавший из столицы проверить, как движется дело. Он часами стоял на высоком берегу, наблюдая за тем, как мои люди изо дня в день черпают из котлована грязную жижу и таскают тяжёлые бадьи с илом. Наконец, перед отъездом, казначей подозвал меня и с ледяным раздражением бросил:

– Я вижу, как тает золото из казны, Тарк, но не вижу над водой ни одного уложенного камня. Вы топчетесь на месте. Если спустя луну не поднимутся первые арки, я доложу императору, что ошибся в тебе, и передам дело другому.

У меня под ногами начала плыть земля от привычного страха перед гневом вельмож и стыда показаться неумелым. Едва карета Кая скрылась за поворотом, я велел артели прекратить расчистку дна и начинать укладывать первые глыбы фундамента.

Но не успели рабочие подтащить первый камень, как ко мне подошёл старый мастер-каменотёс. Вытирая пот со лба, он тихо, но твёрдо предупредил:

– Господин Тарк, так нельзя. До коренной, твёрдой базальтовой скалы осталось всего два локтя слежавшегося ила и гальки. Нам нужно ещё три недели, чтобы вычерпать дно. Если положим камни сейчас – осенний паводок подмоет кладку.

Конечно, мастер был прав. Я сам видел это по расчётам и пробам грунта. Но трепет перед немилостью казначея оказался громче голоса разума – и ум тут же услужливо подкинул спасительное оправдание: мол, опора выйдет настолько тяжёлой, что своей каменной тяжестью сама продавит остатки ила, впечатает гальку в базальт и встанет намертво. Отведя глаза, я резко оборвал старика и приказал покрыть дно утрамбованной галькой и начинать кладку, лишь бы поскорее показать над водой первые ряды белоснежного мрамора.

Старый каменотёс не ушёл сразу. Он медленно вытер ладонь о грубый фартук, посмотрел на меня тем долгим, тяжёлым взглядом, от которого мне захотелось отвернуться, и резко возразил:

– Но господин Тарк! Вы ведь сами ученик старого Мейрона. Вы же знаете, как поёт камень, когда под ним пусто.

– Я здесь главный зодчий, а не ты! – сорвался я на крик, чувствуя, как внутри всё сжимается от стыда и злости. – Делай, что велено, и не учи меня строить!

Старик молча поклонился и отступил в тень. А я ещё долго стоял на краю котлована, глядя на белую мраморную крошку и пытаясь заглушить противный, сосущий холодок под ложечкой.

Мост был закончен в срок. Он сиял белым мрамором над ущельем. На празднике открытия император лично возложил мне на плечи золотую цепь, а Кай сдержанно кивнул. Я упивался чужим одобрением.

А через несколько недель в горах прошли невиданные ливни.

Река вздулась за одну ночь, превратившись в ревущий чёрный поток. Я стоял на берегу под проливным дождём и с ужасом понимал, что бешеная вода подмывает ту самую спешно уложенную гальку под центральной опорой.

Раздался глухой, утробный треск, от которого задрожала земля под ногами. Белоснежная арка дрогнула, по мрамору змеёй побежала чёрная трещина – и через мгновение великолепный мост с оглушительным грохотом рухнул в кипящую бездну, унеся с собой жизни десятка стражников, не успевших сбежать с переправы.

В одну секунду моя слава, титул и покой превратились в пыль.

Меня бросили в сырую темницу. Три недели я сидел на ледяном каменном полу, и страшнее ожидания казни была одна жгучая, невыносимая правда: этот мост разрушила не река. Его разрушила моя собственная трусость. Я знал, как нужно строить, но позволил чужому человеку надавить на себя и продал свои убеждения за похвалу и золото.

Неожиданно дверь темницы открылась, и на пороге появился Кай. Лицо его было бледным от ярости – обрушение моста ударило и по его имени.

– Тебе сохранили жизнь, Тарк, но не из жалости, – резко бросил он. – Через год через это ущелье пойдёт императорский обоз. Ты восстановишь переправу за свой счёт. И на этот раз не вздумай копаться. Через десять месяцев мост должен стоять, иначе я лично отправлю тебя на плаху.

Он ждал, что я, как и раньше, испуганно закиваю и брошусь исполнять приказ. Но внутри меня за недели в темноте что-то окончательно перегорело. Страх потерять титул, деньги или даже жизнь вдруг стал маленьким и ничтожным по сравнению со стыдом за самого себя.

Я медленно поднялся с каменного пола, расправил плечи и посмотрел прямо в янтарно-золотые глаза казначея.

– Я восстановлю мост, господин Кай, – сказал я глухо, но так твёрдо, что голос отразился от сырых стен. – Но не за десять месяцев. И не так, как прикажете вы. Я буду строить его столько, сколько потребует река и камень. Если вас это не устраивает – зовите палача прямо сейчас. Больше я ни одного камня не положу под чужую диктовку.

Кай замер. Впервые в его глазах мелькнула растерянность – его привычные угрозы и давление вдруг наткнулись на глухую, монолитную стену. Он долго молчал, глядя на меня, а затем коротко кивнул и вышел, не сказав ни слова.

Часть 3. Скала посреди шторма

Я сам спускался в ледяную воду ущелья вместе с простыми каменотёсами. Неделя за неделей мы расчищали дно от ила и гальки, пока лопаты не зазвенели о твёрдый, чёрный базальт – коренную породу самой Земли.

За эти годы на меня давили не раз. Приезжали столичные чиновники, грозили карами, торопили и требовали украсить переправу мраморными статуями. Но во мне словно проросла невидимая скала: я спокойно выслушивал крики, не спорил, не оправдывался, но не отступал от своих правил ни на шаг. Я сам отвечал за этот мост – и я знал, как сделать его вечным.

При этом я больше не пытался тащить всё в одиночку из гордости. Когда не хватило опыта для расчёта подводных быков, я без стыда поехал к старому, ослепшему учителю Мейрону и попросил его совета. Я понял, что настоящая сила не боится попросить помощи – она просто не позволяет никому управлять собой.

Новый мост был закончен через семь долгих лет. На нём не было пышного мрамора – только серый, идеально подогнанный гранит. Когда последняя арка сомкнулась над ущельем, я стоял у самой воды, положив ладонь на холодную опору, и чувствовал внутри неподвижную, спокойную тишину. Мне больше не нужны были ни золотые цепи, ни рукоплескания толпы. Я сам знал цену своей работе.

Я прожил остаток дней тихим мастером, передавая ученикам главное правило: «Держи свою твердь, даже если против тебя весь мир». Когда мой земной срок подошёл к концу, я закрыл глаза с тихим миром в душе.

✦ – ✧ – ✦

Вернувшись, я осмотрелся вокруг, ощущая бесконечный простор вечности, а затем вгляделся в собственное сияние. Теперь оно переливалось четырьмя глубокими оттенками рубинового спектра – от живого алого до царственного багрянца, сливающихся в единую, несокрушимую опору.

Рядом плавно качнулось знакомое золотистое сияние Старой Души. Я потянулся к ней с теплом и лёгкой грустью человека, вернувшегося из очень долгого путешествия.

– Наконец-то я дома, – прошелестел я, делясь с ней густым потоком воспоминаний о последней жизни – о ледяной воде, рухнувшем мосте и долгих годах работы над тяжёлыми гранитными опорами. – Я отсутствовал так долго... Ты, наверное, совсем заскучала здесь без меня?

Золотистое сияние вокруг Старой Души мягко колыхнулось, словно она улыбнулась самой тёплой и мудрой улыбкой во Вселенной.

– Скучала? – её голос прозвучал как тихий звон утренней росы. – Малыш, здесь, в Океане Света, прошло одно мгновение.

Я замер, потрясённый. Тысячи рассветов, горы уложенных камней, боль потерь и радость побед – всё это уместилось в один короткий миг вечности. Там, внизу, время текло как густая, тягучая смола, заставляя нас ценить каждый удар сердца. Здесь же оно растворялось в бесконечном «сейчас».

– Ты научился стоять как скала даже посреди шторма, – тихо улыбнулась Старая Душа, любуясь моим ровным рубиновым свечением. – Но скала скучна и одинока, малыш. Пора открываться навстречу чувствам, краскам и другим людям…

Глава 5

Вкус спелого плода



Часть 1. Родственные души

Раньше, в промежутках между суровыми жизнями Урга, Амона или Тарка, я был так измотан борьбой за выживание, что почти не смотрел по сторонам. Я просто парил в тишине, залечивая раны плотного мира, как уставший путник у ночного костра.

Но теперь, когда моё рубиновое свечение стало ровным и спокойным, я впервые огляделся вокруг.

Неподалёку от меня, словно стайка мерцающих светлячков в летних сумерках, кружились ещё четыре юные Искры. Наши световые оболочки были удивительно похожи по плотности и оттенку – мы словно были сотканы из одной космической нити в один и тот же миг вечности.

Одна из Искр – подвижная, переливающаяся тёплым янтарным светом – подплыла ко мне вплотную и легко коснулась моего сияния. По мне пробежала волна мгновенного, невероятно уютного узнавания. Я не знал её имени, но чувствовал, что знаю её всегда.

– Наконец-то ты поднял голову, – прозвенела её мысль, похожая на смех. – Мы уже не раз спускались вниз вместе, а ты всё время смотрел только под ноги, проверяя, крепок ли камень.

Я растерянно оглянулся на остальных. И вдруг в памяти вспыхнули обрывки прошлых жизней. Старый хромой Бран, который зажал мою рану в ледяном ущелье... Сосед Хабиб, с

которым мы вместе чистили заиленный канал... Молодой каменотёс, который молча подавал мне раствор на мосту Тарка...

Это были они. Все они – эта маленькая светящаяся стайка вокруг меня!

Рядом мягко колыхнулось глубокое золотое сияние Старой Души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.